

ДРАУГР

Поздний утренний солнечный свет хлынул в открытую дверь римского дома и разбудил Моряка. Птица спрыгнула на пол, для пробы расправив крылья и негромко крикнув от боли. "Ты не можешь ожидать, что станет лучше за один день, мой друг", - сказал Бард. Он открыл пакет с сушеной рыбой и бросил немного на пол. Моряк, уставившись одним глазом-бусинкой на брата Эйдена, подался вперед и схватил угощение.

Рот монаха открылся от изумления. "Это настоящая магия - приручить такое существо".

"Он не ручной. Не стоит смотреть на него", - предупредил Бард. Монах отпрянул, когда альбатрос попытался нанести ему яростный удар.

"Выведи нашего друга на прогулку, Джек, пока он не причинил вреда. Мы с Эйдемом приготовим завтрак." Мальчик мысленно вздохнул, но он знал, что лучше не жаловаться. Барда нельзя было торопить, и он попросил бы брата Эйдена закончить рассказ в свое время.

Джек и птица шли вдоль скалы над морем, Моряк шел впереди, нетерпеливо вытягивая шею в ярко-голубое небо. Через некоторое время они присели отдохнуть. Альбатрос что-то выкрикнул, и дюжина чаек сорвалась со скалы.

"Приятное ощущение, не так ли?" - дружелюбно сказал Джек. "Нет ничего лучше хорошей прогулки для начала дня". Моряк что-то буркнул в ответ. Мальчик вдалеке почувствовал запах поджаривающихся овсяных лепешек. "Я бы хотел увидеть русалку, - признался он, - хотя я не знаю, женился ли бы на ней. Похоже, я бы утонул, если бы переехал к ней. Как, по-твоему, она дышит под водой?"

Моряк издал звук, нечто среднее между мурлыканьем и карканьем. Джек был почти уверен, что это был ответ на его вопрос. Внезапно птица издала крик и взлетела со скалы. Ему почти удалось взлететь, но его поврежденное крыло сломалось, и он упал. Джек заскользил вниз по камням так быстро, как только мог. Внизу он увидел птицу, пьяно шатающуюся по песку, кричащую и щелкающую клювом.

"Ты идиот!" - закричал Джек. "Ты испортишь всю нашу работу!" И тут он увидел Торгиль, бегущую к ним. Она каркала по-птичьи и разбрасывала свои сумки на пляже. Вскоре она встретилась с Моряком, и они заплясали друг вокруг друга в неистовой радости.

"О, Джек! Ты никогда не догадаешься, что произошло!" - закричала она.

"Скакки здесь! Мой брат! Он бросил якорь в бухте, где мы оставили тебя и Люси. Он обещал отвезти нас в город Беббы."

"Ты говоришь, что рядом с нашей деревней стоит на якоре корабль северян?" - спросил брат Эйден, его глаза расширились от ужаса.

"Скакки дал клятву не грабить нас", - небрежно сказала Торгиль. "Он мог бы подобрать несколько рабов в другом месте, но я не вижу в этом вреда".

"Не видишь вреда?" - воскликнул монах. "Разве ты не слышишь крики детей, которых вырывают из рук родителей? Неужели твое сердце сделано из камня?"

"Обычно мы не крадем детей", - сказала воительница. "Они недолговечны, и в любом случае рынок для сорванцов невелик".

“Перестань подкалывать его”, - предупредил Бард. Торгиль злобно ухмыльнулась и выудила из пепла овсяную лепешку. Она протянула лакомый кусочек Моряку, который осторожно взял его. Он стал опасаться горячих вещей.

“Вся команда вернулась?” - спросил Джек. Внезапно его охватило сильное желание снова увидеть северян.

“Большинство из них”, - сказала воительница, набив рот овсяным пирогом. “Есть Скакки и, конечно же Руна, Свен Мстительный, Эрик Красавчик и Эрик Опрометчивый. Шлауп - это что-то новенькое. Эрик Широкоплечий был съеден троллями.”

“О боже”, - сказал брат Эйден.

“Мой приемный отец, Олаф Однобровый, однажды попробовал кусочек тролля. Он сказал, что это было отвратительно.”

“Торгиль!” - прогремел Бард. “Не заставляй меня превращать тебя в лягушку”.

Она рассмеялась и положила себе еще овсяную лепешку. Джек был рад видеть ее такой счастливой. Она, по-видимому, простила их ссору в орешниковом лесу, потому что тепло приветствовала его. Она, как он и подозревал, сбежала на пляж. Как только она начала идти на север, волны успокаивали ее разум, а запах моря поднимал настроение. Через некоторое время она срезала путь по пересеченной местности до старой римской дороги и нашла дорогу к заливу.

“Скакки никогда не верил, что я мертва”, - сказала Торгиль. “В начале этого года он вернулся на пляж, где оставил меня, и увидел мои руны, вырезанные на дереве. Когда он не смог найти меня, он догадался, что я отправилась в единственное место, где мне могли бы оказать радушный прием. Он стал намного больше. Я думала, что он достиг своего полного роста, но сейчас он практически гигант. Как Олаф.” По лицу воительницы пробежала тень.

“Итак, он готов отвезти нас в город Беббы”, - сказал Джек, чтобы отвлечь ее от размышлений.

“Как только он закончит с делами на югу. Ты не хочешь знать, что это такое, брат Эйден” Торгиль пригнулась, когда Бард поднял свой посох.

Они приготовили второй завтрак со свежим деревенским хлебом и жареным гусем, которого Торгиль принесла с ужина своих товарищей по кораблю. Брат Эйден пересказал Торгиль историю о Счастливом плаче. “Я действительно слышала плач женщины, когда шла по пляжу”, - размышляла дева-воительница. “Я не смогла ее найти. Скакки показалось, что он видел драугра, когда они бросили якорь.”

“Драугр?” - спросил Джек.

“Ты знаешь. Дух нежити. Мы окружили лагерь серебряными монетами, чтобы держать его подальше.”

“Это именно то, чего я боялся”, - сказал Бард. “Расскажи остальную часть истории Северуса, Эйден. Нам нужно составить план.”

“В течение семи дней отец Северус перепробовал все, что только мог придумать, чтобы избавиться от русалки. Он произносил заклинания экзорцизма, размахивал крестами и

проклинал ее, но она была неумолима. Каждый день после полудня она преследовала его. Она была удивительно сильной. Она могла поднимать валуны и бросать их так же легко, как вы бросаете камешек. Она, конечно, не пыталась убить его, но хотела напугать, чтобы он сдался.

“Русалка также могла повелевать волнами. В предпоследний день она вызвала волну такой силы, что она достигла скал, где прятался отец Северус. Это чуть не утащило его в море. Тогда он понял, как она планировала захватить его в последний день. В ту ночь он изо всех сил пытался взобраться на гору в центре острова. Он почти мог это сделать, но на полпути вверх был отвесный утес, который было невозможно преодолеть.

“Он спустился к воде, погруженный в отчаяние и оплакивающий тот день, когда покинул Святой остров. И тут до него дошло. Что, если бы она жила с ним на острове?

“Он, конечно, не мог на ней жениться. Не потому, что он был священником — некоторые священники действительно брали жен, хотя в Риме это не одобрялось. Он не мог, потому что она была чудовищем, простым и невзрачным. О, она могла выглядеть как человек, но под ней было не больше духовности, чем у быка”.

“Бык”, - задумчиво произнес он.

“Она была невероятно сильной. У него было достаточно доказательств этого. Она была талантлива — просто посмотрите на хижину, которую она построила. Она могла ловить рыбу и собирать плавник. Она могла бы заниматься сельским хозяйством.

“В последний день отец Северус развел большой костер рядом с водой. Он зазвонил в колокол, и русалка поднялась из волн. Она быстро подошла к берегу и уронила свои чешуйки на берег. - Хороший день для купания, ’ прокомментировал отец Северус.

“Ты не убегаешь”, - сказала русалка.

“‘В чем смысл? Ты бы поймала меня.’

“Я бы предпочла, чтобы ты пришел добровольно”, - уступила она. ‘Плох тот брак, который начинается с насилия’. Она протянула руки, чтобы обнять его.

“Сначала я должен сделать одно дело”, - ответил отец Северус, улыбаясь. Он метнулся мимо нее, схватил чешуйки и бросил их в самое сердце огня.

Русалка закричала. Она подняла волну, чтобы потушить пламя, но было уже слишком поздно. Ее рыбий хвост сгорел дотла. ‘Ты навеки оторвал меня от моря’, - воскликнула она. ‘О, жестокий, жестокий человек! Как ты мог сделать такое со мной после всей моей заботы? Я никогда не смогу вернуться к себе домой.’

“Тогда, я полагаю, тебе придется жить здесь”, - сказал отец Северус.

“Он научил ее копать грядки для семян и носить воду из ручья, текущего с горы. Она построила стену, чтобы северный ветер не уносил землю прочь. Она заманивала рыбу к себе в руки пением. Однако отцу Северусу пришлось научить ее готовить, поскольку ее сородичи предпочитают есть пищу сырой. Ночью она спала голой на пляже. Через несколько месяцев ее руки огрубели, а волосы стали спутанными и грязными. Отец Северус не возражал. Он не требовал красоты от быка.”

“Клянусь Тором, это прекрасная история”, - перебила Торгиль. “Он обманул русалку и

превратил ее в рабыню”.

“Ты должна испытывать к ней жалость”, - сказал брат Эйден.

“почему? Она бросала в него камни.”

“Торгиль права”, - сказал Бард. “Преступление Северуса заключалось не в том, что он заставлял ее работать на него, чего она вполне заслуживала, а в том, что он думал, что у нее нет души. Он обращался с ней как со стулом или чашкой, которые нужно выбросить, когда они разобьются. Продолжай, Эйден.”

“Отец Северус был доволен жизнью”, - продолжал монах. “Он мог молиться и медитировать, когда ему заблагорассудится. Русалка больше не докучала ему разговорами. На самом деле, она стала совершенно безмолвной. Сад процветал, и он мог запастись едой на зиму. Когда ему хотелось мяса, он отправлял ее на рыбалку. А для его костра всегда хватало плавника.

“Русалка, однако, ненавидела огонь. Зимой и летом она сворачивалась калачиком в маленькой пещере, не имея ни клочка ткани, чтобы согреться. Отец Северус предположил, что она похожа на тюленя и не чувствует холода, и поэтому выбросил это из головы. Он не замечал постепенных перемен, происходивших с ней.

“Однажды он увидел вдалеке корабль, направлявшийся к острову Грима. Это был настоятель Святого острова, пришедший проверить его самочувствие. ‘Рад видеть, что вы хорошо выглядите, - сказал аббат, сойдя на берег. ‘Боже милостивый! Что это?’ Он увидел русалку которая ходила взад и вперед с охапками плавника.

“Просто морское существо, которое я обучил работать”, - сказал отец Северус.

“Но это же женщина! И она голая!”

“Это не человек”, - резонно заметил отец Северус. “Многие монахи живут с коровой и им ничего не говорят”.

“Она имеет форму человека”, - сказал аббат, прищурившись, чтобы разглядеть ее более отчетливо. “Клянусь благословенной святой Бриджит, это самая уродливая женщина, которую я когда-либо видел!”.

“Тогда отец Северус тоже присмотрелся к ней поближе. Русалка менялась так постепенно, что он не обратил внимания. Она была намного крупнее, а ногти на ее ногах и руках превратились в когти. Ее кожа была грубой, зубы желтыми, волосы начали выпадать, а оставшиеся клочья напоминали крысиное гнездо. Ее движения, никогда не отличавшиеся грацией на суше, теперь были совершенно звериными. “Она выглядела лучше, когда я приручил ее”, - признался отец Северус.”

“Таков путь финского народа”, - вставил Бард. “Когда самки незрелы, они необычайно красивы. Если они выходят замуж за человека, то остаются такими всю свою жизнь. Но если они женятся на ком-то из своего вида или их отвергает человек, они превращаются в свою взрослую форму: морскую ведьму.”

“Морская ведьма”, - сказал Джек, полный удивления. Он мог бы сделать из этой истории великолепную поэму, не хуже Беовульфа или Олафа Однобрового, спасающих Ивара Бескостного от троллей. Глаза Торгиля тоже сияли.

“К сожалению, ” сказал брат Эйден, - настоятель посчитал, что на уединенных островах было достаточно медитаций и молитв. Он обвинил отца Северуса в уклонении от своих обязанностей в монастыре и приказал ему немедленно вернуться. И вот они упаковали Счастливого Плача в одежды Колумба и ушли.

“Русалка — теперь морская ведьма — нырнула в воду и попыталась последовать за ними. Матросы гребли изо всех сил. Постепенно морская ведьма отстала, и последнее, что они видели от нее, была копна грязных волос, качающихся вверх-вниз на волнах.”

После этого все замолчали. Бард подбросил еще дров в огонь, а Торгиль, глубоко задумавшись, погладила перья Моряка. Брат Эйден склонил голову. Наконец Джек сказал: “Это ужасно. Они бросили ее умирать.”

“Я никогда не был уверен, хватит ли у нее сил вернуться на остров Грима”, - сказал Бард. “Теперь, похоже, она утонула и стала драугром”.

“Дух нежити”, - сказала Торгиль.

“И она здесь”, - добавил брат Эйден.

<http://tl.rulate.ru/book/81483/2527464>